

Декабря 18 (31)

Священномученик
Николай (Кобранов)

Священномученик Николай родился 10 мая 1893 года в селе Благовещенье Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье диакона Иакова Кобранова. В 1913 году Николай окончил Смоленскую Духовную семинарию и поступил на юридический факультет Варшавского университета, в котором проучился три года. В 1918 году он оказался в Крыму, был сначала певчим в симферопольском соборе, а затем иподиаконом у Таврического архиерея. В 1920 году он был рукоположен во диакона к крестовой церкви в Симферополе, а в 1921 году во священника. Во время отступления армии Врангеля из Крыма отец Николай принял решение остаться в России и служил в храме в одном из сел в Мелитопольском уезде. В 1922 году он в течение полугода служил в Новоспасском монастыре в Москве, а в 1923 году был направлен служить в храм в село Воскресенское Можайского уезда Московской губернии.

В 1925 году священноначалие направило отца Николая настоятелем в храм Святой и Живоначальной Троицы в Кожевниках в Москве, и он был возведен в сан протоиерея. Храм был выстроен в 1689 году и носил на себе следы древнего величия и щедрой благотворительности благочестивых купеческих семейств. Но в начале XX столетия прежнее величие храма стало быстро угасать, что было связано со строительством заводов в этом районе, – со всех сторон он оказался окруженным фабричными и заводскими постройками. Резко уменьшилось число прихожан, и в храме стал ощущаться недостаток средств, так что назначавшиеся сюда священники старались как можно быстрее перейти на другой приход, смотря на это место как на беспокойное и ненадежное. Разруха резко увеличилась после безбожной революции, и дело кончилось тем, что в 1925 году храм был закрыт. Две недели храм простоял без богослужений, когда в него был назначен отец Николай. Священник начал с того, что создал вокруг этого храма живой приход.

Понимая, что поддержание благолепия храма – это дело самих прихожан, он обратился к ним с воззванием, в котором писал: «Пусть придет на помощь... общехристианское безгранично-великое милосердие. Помогите на ремонт храма. Гибель святыни – есть гибель чести нашей славной и благочестивой веры».

Отец Николай часто служил и за всеми богослужениями проповедовал; он устраивал богословские беседы, приглашая на них известных и авторитетных профессоров. Беседы проводились в воскресенье вечером и стали подлинным духовным утешением и приобретением для прихожан в оскудевшее духовными сокровищами, проникнутое духом злобы время. В храм по просьбе отца Николая приносились из других храмов для сугубых молений чудотворные иконы Богоматери и святого мученика и чудотворца Трифона. Из числа прихожан было создано общество постоянных жертвователей на ремонт и благоустройство храма: они жертвовали по двадцать рублей на содержание храма четыре раза в год, и им выдавался билет, в котором значилось, что они имеют нравственное право участвовать во всех церковных делах прихода, и напоминалось, что «храм существует только жертвами прихожан».

Было заведено как добрый порядок, чтобы настоятель храма ежегодно отчитывался перед собранием прихожан о сделанном в приходе и потраченных средствах. В третий год своего настоятельства отец Николай, обращаясь к прихожанам на приходском собрании, сказал: «Дорогие и любезные друзья мои, третий год вернул нас назад к первому году нашей работы, то есть приход средств в храм выразился в сумме около 10 500 рублей, когда второй, предпоследний год дал 12 500 рублей. Причины уменьшения приходной суммы в нашем храме – осмеливаюсь указать – следующие: ...стесненность в средствах у всех. Те многообразные слухи и толки, которые усиленно распространялись в приходе некоторыми известными вам лицами, желавшими лишить меня вашего священного и любезного доверия. Говорилось, что я на церковные средства посещаю курорты, говорилось, что я безрассудно трачу средства на торжественные богослужения, на устройство бесед, на длительные богослужения и даже – на ремонт и украшение храма. Враждебность против нашей любви к храму доходила до того, что отчет за прошлый год стал в подробностях известен гражданским учреждениям, хотя он был составлен только для приходской среды. Мне приходилось доказывать, что мы насильно руководимся расходом, а не приходом средств, и разными усиленными способами дотягиваем приход до расхода. Мы просим, умоляем всех о помощи, занимаем, нуждаемся всегда в средствах и всегда год оканчиваем с долгом и в самых тяжелых материальных условиях. Вся эта враждебность, противодействие и безразличие к храму досужих и бесполезных прихожан имели плохие последствия на поступление средств в храм.

Создалось пагубное мнение, что я один что-то могу сделать без вашей помощи. Напуганные запустением родного и близкого храма вы лучше мне помогали в первые годы, чем потом. Помните, что запустение отдалено нашими совместными усилиями, но оно не уничтожено и может вновь наступить, если вы меня одного оставите.

Многие оставляли храм и возвращались, но всегда с храмом было Милосердие Божие. Наш храм порой из приходского обращался в беспризорного, ищущего общехристианского милосердия, но Всемогущая Рука Божия провела нашу жизнь с честью и через третий год. Я выматывал жилы своими просьбами о помощи храму, по словам соседнего священника, а Бог родил жалость в сердце человеческом к этому дивному храму. И мы чудом, не видимою, но явно осязаемую помощью Божественною в этом году сделали ремонт храма, сшили два облачения, черное и белое, поправили три Евангелия, приобрели сосуд, крестильный ящик, ризу на икону Богоматери, две иконы преподобного Серафима. Я говорю это, чтобы вы воздали славу Богу, дивно действующему через нас, недостойных и немощных, во святом этом храме молящихся».

Затем, поблагодарив некоторых из прихожан поименно за оказанную помощь, отец Николай сказал: «Не смею вам указывать и предлагать, что нужно сделать в четвертом году нашей работы и пребывания в этом храме. Я глубоко верю, что ваше сердце не изменит и в этом году храму Святой и Животворящей Троицы, дающей попущение бедности, заброшенности, оставленности, но по вере и дивно помогающей во всем».

К престольным праздникам и к памятным дням отец Николай отправлял поздравительные открытки прихожанам, которые иногда сопровождал наиболее созвучными его сердцу стихами русских поэтов; одной из прихожанок, например, он отправил в поздравление стихи Хомякова:

«Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг – в терпении,
любви и мольбе.
Если сердце заняло
перед злобой людской
Иль насильехватило
тебя цепью стальной,
Если скорби земные
жалом в душу впились, –
С верой бодрой и смелой
ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
гордой черни людской.
Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг – в терпении,
любви и мольбе.

Не забудьте храм своею милостью в праздник святой мученицы Параскевы», – закончил свое письмо отец Николай.

Власти пристально следили за ревностным пастырем, и 28 октября 1929 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. 2 ноября состоялся допрос. Отвечая на вопросы следователя, отец Николай сказал: «Я являюсь священником Троицкой церкви, которая представляет из себя историческую ценность... и приходится принимать усиленные меры к изысканию средств на его поддержание, к тому же этот район чисто рабочий, где мало верующих людей.

Сестричество организовано мной в начале моего назначения в этот храм... на него возложена главная забота о храме, чем оно и занимается... Для этой же цели были введены членские взносы от верующих, которые поступают и вносятся в книги прихода.

В притворе храма при входе висит доска для объявлений, на которой объявляется о богослужениях. Таким путем мной вывешено объявление о взносах на храм.

Мной были посылаемы сестры-прихожанки с подписными листами с целью сбора средств на нужды прихода. На престольный праздник мучеников Кира и Иоанна были торжественные службы с участием архиепископа. Я, как молодой священник, сознательно цели борьбы с советской властью не ставил, и если обращался к верующим, то только в силу своих религиозных убеждений для поддержания храма».

Сразу же после допроса следователь на основании сказанного только что священником заявил, что отец Николай «организовал группу верующих для

ведения антисоветской пропаганды под церковным флагом. И вел пропаганду также и сам лично, и в печати, а потому... привлечь Кобранова Николая Яковлевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58 статье УК...»

*Протоиерей Николай Кобранов
Москва. Бутырская тюрьма. 1936 год*

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило заключить протоиерея Николая на три года в концлагерь, и он был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. По окончании заключения отец Николай был отправлен на три года в ссылку в Казахстан, откуда он вернулся в 1935 году и поселился в деревне Кукарино Можайского района. Бывая в Москве, отец Николай встречался с монахинями и игумениями, иногда совершал в квартире богослужения, что впоследствии ему и было поставлено в вину.

27 апреля 1936 года отец Николай был арестован и заключен в 48-ю камеру Бутырской тюрьмы в Москве. В тот же день состоялся допрос.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что, вернувшись из ссылки в 1935 году, начали организовывать нелегальный монастырь? – спросил следователь Байбус отца Николая.

– Нет, не признаю. Я не организовывал никаких нелегальных монастырей.

– Вы устраивали нелегальные богослужения на квартире игуменьи?

– Да, устраивал. Я совершил молебное пение.

– На этом собрании вы вели контрреволюционные беседы?

– Нет, не вел.

– Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы высказывали контрреволюционные взгляды и допускали выпады против руководимого советской властью государства. Что вы можете показать?

– Это я отрицаю. Я ни с кем на эту тему не говорил. Мое личное отношение к советской власти заключается в несогласии с ней по религиозному вопросу, так как она разрушает... храмы и репрессирует невинно верующих и духовенство.

Следствие продолжалось в течение месяца. На одном из допросов следователь спросил священника:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении в том, что, являясь активным участником контрреволюционной группы, участвовали в нелегальных собраниях группы и вели антисоветскую агитацию?

– Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю, – ответил отец Николай.

– Вы признаете, что организовали нелегальные группы, вернувшись из ссылки?

– Нет, не признаю.

– С какой же целью вы устраивали нелегальные собрания на квартире?

– На квартире я нелегальных собраний не устраивал, а совершал богослужение.

– Вы зарегистрированы как служитель религиозного культа в административном отделе?

– После возвращения из ссылки я в административном отделе не регистрировался, также не регистрировался и в Синоде.

– Вы на нелегальных собраниях группы распространяли контрреволюционную клевету! Это вы признаете?

– Нет, не признаю.

– Вы говорите неправду. Известно, что на нелегальных собраниях вы распространяли контрреволюционную клевету о том, что в Советском Союзе жить стало совершенно невозможно, такого рабства, насилия и репрессий нигде нет. Вы это подтверждаете?

– Это я отрицаю. Контрреволюционной клеветы я не распространял.

Во время допроса Байбус, желая уязвить священника, заявил, что даже жена священника считает его помешанным на религиозной почве и вскоре пришлет ему развод. «Но не беспокойтесь, святым вас не сделаем», – зло сказал он.

16 мая 1936 года отец Николай подал заявление прокурору по надзору за органами НКВД с объявлением, что он начинает бессрочную голодовку до освобождения.

20 мая 1936 года следствие было закончено и следователь, вызвав отца Николая на допрос, спросил, желает ли он чем дополнить следствие, на что тот сказал, что не желает, и подал следователю заявление, в котором писал, что просит считать его голодовку не протестом против советской власти, а средством для обретения внутреннего равновесия в условиях крайнего насилия.

Переносить тюрьмы и репрессии в обстановке крайней несправедливости он может, только прибегая к крайним средствам, могущим вернуть ему самообладание, каковым и является для него голодовка-пост. Он писал, что просит вести его дело без задержек, но не настаивать на отказе от голодовки. «Мы не терзаем, не казним, но вместе жить мы не хотим». Насилия не переносу всякого», – писал в своем заявлении отец Николай.

В тот же день администрация тюрьмы, пригласив известных профессоров, освидетельствовала священника на предмет его психического здоровья и дала заключение, что душевным заболеванием отец Николай не страдает, а в его поступках проявляется его личный характер и фанатичная вера. Начальник

секретного политического отдела НКВД Тимофеев в свою очередь пообещал священнику, что лагерь ему заменят ссылкой.

21 мая 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Николая к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

29 июня 1936 года он был доставлен в Ухтпечлаг в город Чибью, а затем на лагпункт Шор. 1 декабря 1936 года отец Николай вновь объявил голодовку, требуя заменить лагерь тюремной одиночкой или ссылкой. 9 декабря начальник лагпункта отправил своему начальству сообщение, что священник, «находясь за неимением отдельного помещения для его изоляции среди массы этапников в общем бараке, своими выступлениями и проповедованием явно антисоветских идей разлагающе действует на массу.

На основании сего приму срочное распоряжение об изоляции его, так как дальнейшее содержание на лагпункте Шор крайне нежелательно и невозможно».

17 декабря отец Николай был освидетельствован врачами, состояние его здоровья было найдено крайне тяжелым, и он был помещен в лазарет.

21 января 1937 года священник отправил заявление, адресованное через наркома НКВД Ежова начальнику секретного политического отдела НКВД Тимофееву. В нем он писал: «Сегодня 260 дней моего третьего заключения (с 27.4.36 г. по 21.1.37 г.). Сегодня 130 дней моей голодовки с 16 мая 1936 года... Причины в Вас и в Байбусе...

Байбус так поставил вопрос, что совершение литургии мной на дому есть государственное преступление. Не изменяя клятве священства и Деснице Всевышнего до смерти, не могу согласиться, что литургия в какой бы то ни было обстановке может быть преступлением.

Не соглашусь с Байбусом, что я должен домашнюю молитву регистрировать у гражданской власти после отделения Церкви от государства. Я законный священник, избранный народом, в этой области подчиняюсь только признаваемому мной Епископу.

Грубо нарушены принципы веротерпимости и законы отделения Церкви от государства. Здоровьем и жизнью, мукой крайней вынужден в революционной среде защищать неприкосновенность убеждений».

Заявление было «оставлено без удовлетворения», и 4 февраля 1937 года протоиерей Николай направил еще одно письмо на имя Ежова, прося заменить заключение в лагере на тюремную одиночку, но и оно осталось без последствий.

Однако отец Николай продолжал требовать если и не освободить его, то по крайней мере поместить в тюремную одиночку, и прокурор под обещание снять голодовку заявил, что требование священника будет выполнено, и 15 июля 1937 года тот снял голодовку.

Состояние здоровья отца Николая было столь тяжелое после длительного голодания, что врачи оставили его в стационаре. С этого времени последовал целый ряд доносов в оперативную часть лагеря от начальника учетно-распределительной части Читадзе, бывшего члена партии, осужденного на десять лет заключения за воровство, которому сотрудник лагерной учетно-распределительной части, также из заключенных, сообщил, что он оказался в лазарете вместе со священником и тот лежал в лазарете как голодающий, а на самом деле не голодал (в это время тот действительно прекратил голодовку). Впоследствии он об отце Николае показал: «В период моего нахождения в лазарете проводилась кампания по зачету рабочих дней заключенным, и больные, сидя возле помещения лазарета, беседовали по этому вопросу.

Проходивший в это время заключенный Кобранов, обратившись к заключенным, сказал: “Вы что здесь греетесь на солнышке, идите, там в клубе большевики временем торгуют”. Перед принятием пищи заключенный Кобранов демонстративно крестился, а по утрам, становясь в угол, молился. На себе он носил крест. В лазарете он пользовался большим вниманием со стороны администрации...»

23 июля 1937 года начальник 3-й части 3-го отделения распорядился, чтобы отец Николай был переведен из лазарета на общие работы, о чем было уведомлено начальство лазарета 1-го промысла, в котором находился священник. Заведующий лазаретом ответил, что этого сделать нельзя, так как состояние здоровья Николая Кобранова после длительной голодовки очень тяжелое.

16 августа отец Николай был выписан из лазарета на общие работы, а 27-го заключен под стражу в следственный изолятор и ему было предъявлено обвинение в проведении антисоветской агитации. Отец Николай заявил, что отказывается подписывать это постановление, а также и давать показания. Поскольку большую часть заключения отец Николай пробыл в лазарете, то с начальника лазарета была спрошена характеристика на священника; он написал, что священник «лазаретному режиму подчинялся. Религиозен. По мере возможности старался соблюдать религиозные обряды (посты, молитвы)».

Так для отца Николая началось новое и последнее следствие. Во множестве были доброшены свидетели, и одни лгали, находясь в том же положении заключенных, что и священник, надеясь ложью облегчить свою участь, а другие говорили правду.

Допрошенная медсестра лазарета показала: «В отношении его состояния здоровья я как медсестра должна сказать, что он был не здоров – у него были отеки на ногах, а это свидетельствовало о расстройстве сердечной деятельности, царапины на его теле заживали очень медленно и осложнялись гнойными воспалениями. Это говорит о его болезненности как, очевидно, результате его голодовки. Об антисоветских проявлениях заключенного Кобранова я ничего не знаю и ни от кого не слышала. Знаю, что он священник».

28 августа в три часа утра протоиерея Николая вызвали для медицинского осмотра лекпом и сотрудники следственного изолятора; священник заявил, что медицинское освидетельствование он производить не желает, так как голодает, и с представителями 3-го отдела и медицинскими работниками разговаривать не желает.

11 сентября 1937 следователь допросил священника.

– Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении по статье 58, пункт 10, часть 1 УК РСФСР, которое изложено в постановлении, вторично вам объявленном и от подписи которого вы вторично отказались? – спросил его следователь.

– Виновным себя в антисоветской агитации я себя не признаю, но заявляю, что я человек собственного мировоззрения и говорю то, что я думаю. Сказать о своих суждениях – являются они антисоветскими или нет, я не могу, потому что в этом вопросе совершенно не разбираюсь.

– Что можете добавить к следствию?

– Я не переношу современной суматохи жизни, и для меня совершенно безразлично, дадут ли мне бессрочное заключение, смертный приговор, – я готов принять все, но на волю я не хочу, то есть определяю себя оторванным от настоящей жизни. Я с прибытием в Ухтпечлаг все время голодал по той причине,

что в Москве начальник секретного политического отдела Тимофеев дал мне слово не направлять меня в лагерь, но, однако, я вопреки этому обещанию был направлен. Я очень признателен администрации Ухтпечлага за внимательность ко мне во время моей голодовки, которая является не протестом, а видом самообладания в чуждой обстановке. Конкретно я прошу для себя тюремного одиночного заключения, обещанного мне прокурором прокуратуры СССР Седовым, и прошу этот процесс ускорить.

От подписи под постановлением в предъявленном ему обвинении отец Николай отказался, и следователями был составлен акт, что «на поставленные ему вопросы по существу доказанности его виновности... заявил, что он категорически отказывается отвечать на такого характера вопросы, а в противном случае прекратит всякий разговор по его делу, а также отказался от производства очных ставок. Кроме того, заявил, что он человек своих убеждений – иного мира воззрений, что о своих убеждениях он открыто говорил в свое время на Лубянке 2, что с убеждениями можно бороться только или смертью, или терпимостью и что его, Кобранова, может исправить только могила».

В этот же день следствие было закончено, и следователь спросил священника, желает ли тот ознакомиться с материалами следственного дела и что-либо добавить к следствию. Взяв ручку, тот написал: «С материалами следствия ознакомиться желания не имею. Все мое мировоззрение и отношение к Власти изложено начальнику секретного политического отдела Тимофееву и в заявлениях в органы Власти, и комментарии показателей отвожу, как излишне участвующих в ясной договоренности».

В тот же день дело было передано на решение тройки НКВД. 29 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Кобранов был расстрелян 31 декабря 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

И когда был на свободе, и из заключения отец Николай посылал своим духовным детям и прихожанам стихи, и одно из них было такое:

Молись в день радужного счастья,
Пред трудным подвигом – молись!
Молись, когда грозит несчастье,
Когда смущаешься – молись!
Молись, когда обиду сносишь,
Когда в опасности – молись!
Молись, когда за милых просишь,
За злого недруга молись!
Молись, когда слабеют силы,
Когда возносишься – молись!
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденную – молись!
Молись в минуту искушенья,
Коль победил себя – молись!
Молись в печальное мгновенье,
Чтоб Бог простил тебя – молись!

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Дополнительный том 3»
Тверь, 2005 год, стр. 267-281.